

«Еврейский король Лир» Якова Гордина:
разговор с русским зрителем
на фоне европейской литературной традиции

Георгий С. Прохоров

*Государственный социально-гуманитарный университет,
Коломна, Россия, kaf.rus.gsgu@yandex.ru*

Аннотация. Яков Гордин – видный реформатор еврейского театра первой половины XX в. Его драматургические произведения созданы в американский период жизни, но получили широкую популярность и в России, где были адаптированы для русской сцене. В центре настоящей статьи – русскоязычная версия «Еврейского короля Лира». Пьеса сопоставляет еврейский и европейские культурные элементы и объединяет русского и еврейского зрителя. Напоминающие шекспировские сюжеты происходят на улицах еврейских городов и кварталов. В то же время Гордин насыщает европейский сюжет еврейскими элементами, такими как полемика между религиозными течениями, представлениями о назначении человека (*тиккун олам, тikuах нефеш*). Обращение к классической европейской фабуле ломает общественное представление о евреях как об изолированной Талмудом и раввинами группе, сошедшей с оси истории. Параллельно текст демонстрирует еврейскому зрителю, что европейский мир – свое культурное пространство и для евреев.

Ключевые слова: еврейский театр, переводная литература, русско-еврейский литературный контакт, культурный трансфер, Яков Михайлович Гордин

Для цитирования: Прохоров Г.С. «Еврейский король Лир» Якова Гордина: разговор с русским зрителем на фоне европейской литературной традиции // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 3. С. 101–110. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-3-101-110

“The Yiddish King Lear” by Jacob Gordin.
A conversation with Russian audience
in the background of European literary tradition

Georgii S. Prokhorov

*State University of Social Studies and Humanities,
Moscow, Russia, kaf.rus.gsgu@yandex.ru*

Abstract. Jacob Gordin [1853–1909] was an influential reformer of Yiddish theatre in first half of the 20th century. His dramatic works were created in the U.S. period of his life, but they were also popular in Russia where they were adapted and directed on the Russian scene. The article focuses on the Russian version of Gordin’s *Yiddish King Lear*. The play juxtaposes Jewish and European cultural elements and unites Russian and Jewish audiences. Situations of Shakespearean plots happen in streets of Jewish towns and neighborhoods. But at the same time Gordin fills the European plot with Jewish features, such as the polemics between religious movements, ideas about the purpose of man (tikkun olam, pikuach nefesh). The reference to the classical European fabula breaks down the public perception of Jews as a group isolated by the Talmud and rabbis, off the axis of history.

In parallel, the text demonstrates to the Jewish viewers that the European world is its own cultural space for Jews as well is a relevant place for them, too.

Keywords: Jewish theatre, literature in translation, Russian-Jewish literary overlapping, cultural transfer, Jacob Gordin

For citation: Prokhorov, G.S. (2024), “ ‘The Yiddish King Lear’ by Jacob Gordin. A conversation with Russian audience in the background of European literary tradition”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 3, pp. 101–110, DOI: 10.28995/2686-7249-2024-3-101-110

Яков Михайлович Гордин (1853, Миргород – 1909, Нью-Йорк), жил в Одессе и Санкт-Петербурге. Увлекался толстовством. В 1880 г. основал Духовно-библейское братство, стремясь перевоспитать евреев Российской империи и преодолеть отчужденность от православных соседей¹. Воззрения Гордина смыкались с идеями еврейского просвещения, *Хаскалы* [Кауфман 2015, с. 41–47]. Впрочем, во время своего русского периода жизни будущий драматург был скорее радикальным ассимилятором. Во второй половине

¹ Краткая еврейская энциклопедия: В 11 т. / Под ред. И. Орена, М. Занда. Т. 2. Иерусалим: Кетер, 1982. С. 170–171.

XIX в. это была не мейнстримная, но распространенная точка зрения, которую занимали Вениамин Португалов, Аркадий Ковнер, Яков Прилукер и многие другие:

Мы удивляемся, <...> что г-н Гольдфаден решился перенести в Одессу свою плодотворную деятельность, заключающуюся в поддержке и поощрении нетерпимого лучшими евреями бессмысленного жаргона. К чести местного еврейского населения, жаргон этот заметно вытесняется из употребления.

От имени многих благомыслящих наших единоверцев мы протестуем против затеи г-на Гольдфадена, представления которого должны действовать на массу евреев самым деморализующим способом. Если живое русское слово успело вытеснить жаргон даже из области проповеди в синагогах, то перед стремлением лучших евреев к обрушению положительно должны стуживаться все коммерческие предприятия «знаменитых народных поэтов»².

Гордин пользовался русскими псевдонимами (Яков Михайлович, Ян, Иван Колочий), сотрудничал с ведущими газетами. В 1890-х гг. переехал в США, где сблизился с еврейским сообществом, печатался в газете на идише – предшественнике популярной до сего времени нью-йоркской *The Forward*. В его пьесах видим пересечение мелодрамы с идеями Хаскалы и тенденциями модернизма. Привычные европейские фабулы автор не просто перекладывает на новый лад, но разворачивает в еврейский мир. Написанные на идише пьесы в 1910-х гг. активно переводят и адаптируют к русской сцене (в Москве их ставил театр Корша).

Рассмотрим русскую версию пьесы Якова Гордина «Еврейский король Лир» (1892). Какие элементы европейской культуры включены в пьесу; как показаны в ней евреи; что дает обращение к шекспировской фабуле при разговоре о евреях с русской аудиторией?

Действие протекает в Российской империи конца XIX в., но связь с шекспировским текстом не ограничена заглавием:

Яфе. Реб Довидл! Вы меня извините. Не знаю, слышали ли Вы когда-либо о всемирно известном писателе Шекспире. Я читал его трагедию «Король Лир». Этот король, точно так же, как и Вы, разделил при жизни свои владения; точно так же, как и Вы отвергли от себя любимую дочь Тайбеле, он отверг от себя дочь Корделию, которая сказала ему правду. Ах, как дорого заплатил старик за свою ошибку!

² *Зильбербойт* С. Письмо в редакцию // Одесский вестник. 1879. 14 апр.

Вы теперь именно напоминаете короля Лира. Но избави Вас Бог от такого конца, до которого дошел король Лир³.

Пьеса следует фабульной канве текста-предшественника. Уважаемый богач, уверенный в преданности дочерей и их мужей, отдает имущество, чтобы уехать в Палестину и вести там благочестивую жизнь. Сразу по оформлению дарственной он превращается в приживалу, лишается крыши над головой, слепнет... Как и у Шекспира, младшая дочь исключена из раздела имущества. Однако фабула английского драматурга узнаваема, но не повторена. Та же причина исключения дочери – ее попытка продемонстрировать отцу неразумность его замысла:

Я знаю, отец, что ты снова сильно рассердишься. Все же я должна сказать тебе правду; твоё намерение мне совсем не нравится. Что тут может мне понравиться? Что тут может обрадовать меня? То, что ты покидаешь нас? Или то, что ты передаешь меня в руки этого лицемерного Аврама Харифа? Папенька! Не разбивай нам своего счастья⁴.

В центре конфликта – противостояние между еврейскими фракциями. Тайбеле действует из любви к отцу, но последний наполнен сомнениями насчет ее желания стать студентом-медиком⁵. Возражение дочери отец интерпретирует как проявление вольномыслия, отказ от соблюдения заповедей, *мицвот*: «...я, старый дурак, думал, что она обрадует меня словами благодарности, что она придаст мне силы пойти по тому пути, по которому Господь велит идти всякому человеку, понимающему, что свет есть одна тщета...»⁶

Фабула шекспировского «Короля Лира» наполняется другим социальным окружением, немыслимыми в оригинале коллизиями. Благочестие: жизнь в соответствии с заповедями или стремление улучшить мир на основе имеющихся знаний?

Тайбеле. Я хочу учиться, хочу быть самостоятельным полезным человеком.

Довидл. Я не понимаю, как девушка может быть самостоятельной, полезной? Только вы теперь мудры! Ступай себе, куда хочешь, я отказываюсь от тебя!⁷

³ Гордин Я. Еврейский король Лир / Пер. А. Грина. Одесса: Тип. и литография М. Прищепова, 1912. С. 9.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 12.

⁶ Там же. С. 9.

⁷ Там же. С. 14.

В европейских литературах персонаж (особенно драматургический *характер!*) воплощает сюжетно обусловленную роль. Гордин трансформирует европейскую фабулу под еврейскую поэтику, в которой не сложились эстетическая автономность и художественные характеры [Аверинцев 1996, с. 22–27]. Предмет изображения – человек, пластичный, ошибающийся, разбивающий любую роль. Разрешенное и запрещенное, доброе и злое неразделимо связаны с вкладываемым в поступки намерением⁸.

Перенос шекспировской фабулы в еврейский социум ведет к переименованию финала. На месте «горы кровавых тел» – хэппи-энд. Конечно, нормы викторианской поэтики требовали счастливого конца [Абилова 2014, с. 77–80; Паре 1992, pp. 179–96]. В театральных постановках «Короля Лира», осуществляемых как в Англии эпохи после Реставрации, так и в США, финал трагедии делали счастливым [Войта 2014, с. 22]. Однако заметим, что хэппи-энд Гордина не награждение достойных и наказание грешных [Войта 2014, с. 24–25]; у него нет наказанных злодеев. Что мы видим – это исправление мира, *тиккун олам*, – мотив еврейской традиции от мистики [Шодем 2004, с. 308–315] до светского, социально-политического активизма [Jacobs].

Культурный трансфер протекает прямо внутри произведения. Но что и как рассказывает пьеса Гордина о евреях русскому зрителю через классическую шекспировскую фабулу?

Мы видим замкнутость еврейской общины, чувствуем восприятие культурной изоляции как норму – «*Этеле*. Извини меня, папочка! Но ты сам виноват в этом. Нас учили читать только молитвы, – поэтому мы женщины, как следует тому быть. Ей же закрутили голову учителями, пианино и разными другими глупостями! К чему это?»⁹ Замечаем фанатизм («*Шмае*. Что общего имеет немец [маскил. – Г. П.] с трапезой? И вольнодумец с калачом?»¹⁰), притом что религиозное сконцентрировано на внешних формах: «*Хане*. Кажется, все в порядке! Тайбеле, дитя мое! Посмотри-ка своими моло-

⁸ Kushner H.S. The book of job. When bad things happened to a good person. N.Y.: Nextbook; Schocken, 2012. P. 74–76. Намерение человека в принципе важно в еврейской традиции, оно сказывается даже в процессе выбора благословения, установлении необходимости последнего – Simmons Sh., rabbi. When is a Bracha Not Required? // Aish. URL: <https://aish.com/judaism101/jewish-law/laws-of-blessings/> (дата обращения 28.01.2024).

⁹ Гордин Я. Еврейский король Лир. С. 6.

¹⁰ Там же. С. 3.

дыми глазками, не забыли ли мы чего? Чтобы отец, упаси Боже, не рассердился за столом»¹¹.

Еврейская жизнь, как кажется, показывается в негативном свете. Герои обеляют гадости вырванной цитатой из Талмуда или Писания:

Хане: Спросите, что старик ел сегодня? Горе мне, да ведь мы здесь просто умираем с голоду. <...>.

Хариф: Из-за такой глупости, из-за кушанья, вы сердиты на меня? Разве вы не знаете, что в гемаре сказано: «один потчует своего отца наилучшими кушаньями, в то время как сводит его в могилу, а другой...»¹²

Герои герметично замкнуты – не прибегают к русскому праву, даже когда имперские законы позволили бы им спастись:

Довидл: Я тебе скажу, кто здесь хозяин!.. <...>. Я – хозяин!.. По русским законам всякий может отнять то, что он когда-то подарил! Ты знаешь это? <...> Не пугайся!.. Русские законы разрешают-таки отобрать подаренное когда-то, но Довидл Мойшелес не позволит себе...¹³

Герои не помнят, что заповеди даны, чтобы по ним жить, а не умирать (Лев 18:5), что доминанта иудаизма – сохранение жизни, *тикуах нефеш* [Lopatin], а необходимость избежать рисков позволяет не соблюдать даже пост Судного Дня [Gesundheit 2009, p. 583; Katz, Zangen, Leibowitz 2009, p. 586].

Ходящие из одного юдофобского сочинения в другое обвинения будто предстают на страницах пьесы еврейского драматурга. Однако ксенофобский дискурс строится на отсечении индивидуальных черт – «...не верю я даже и в образованных евреев безбожников: все они одной сути, и еще бог знает чего ждет мир от евреев образованных! Еще в детстве моем я читал и слышал про евреев легенду о том, что они-де и теперь неуклонно ждут Мессию, все, как самый низший жид, так и самый высший и ученый из них, философ и кабалист-раввин»¹⁴. (Или за почти век до Достоевского у Державина¹⁵, сочинение которого заложило основу для русского

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 17.

¹³ Там же. С. 16–17.

¹⁴ *Достоевский Ф.М.* Дневник писателя // Достоевский Ф.М. Собрание сочинений: В 15 т. Т. 14. СПб.: Наука, 1995. С. 94.

¹⁵ *Державин Г.Р.* Мнение об отвращении в Белоруссии голода и устройстве быта евреев // Державин Г.Р. Сочинения / Под ред. Я. Грота. Т. 7. СПб.: Тип. Императорской академии наук, 1872. С. 258–259.

восприятия евреев.) В таком дискурсе отдельный человек значения не имеет: «Пусть благородный Гольдштейн умирает за славянскую идею. Но все-таки, не будь так сильна еврейская идея в мире, и, может быть, тот же самый “славянский” (прошлогодний) вопрос давно бы уже решен был в пользу славян, а не турок»¹⁶.

Пьеса Гордина противостоит замещению человека собирательным образом. Она показывает разных людей с их чаяниями, подходами, интересами. Погруженные в традицию *миснагеды* (ортодоксов литовского направления) сопутствуют веселящимся *хасидам*, скептическим *маскилам* («эпикурейцам» или «немцам» в русском переводе). Между ними протекает борьба¹⁷.

Вошедший в театральный зал русскоязычный зритель видит, что еврейство – не единая и неделимая сила. Оно – разнообразный мир, который порой наполнен фанатизмом или жадой наживы. Но только к ним не сводится. Объединяет его, как ни парадоксально для выросшей из шекспировской фабулы «Короля Лира», живое чувство семьи, так что представитель ненавистной фракции – все-таки родственник:

Этеле: На, вот, радуйся на своего муженька [хасида], красавица моя!

Гителе: Ты заботься лучше о своем муже [миснагед], сокровище мое!¹⁸

Вопреки сарказму, Этеле и Гителе – по-прежнему сестры. Чтобы случилась не трагедия, а мелодрама с хэппи-эндом, нужна малость – увидеть в собеседнике человека. Герои Гордина на это способны, так что конфликт разрешается, ненависть исчезает:

Довидл: Теперь подойдите сюда, к вашему больному, слепому, старому отцу <...>. Прошу вас со слезами на глазах, подайте друг-другу руки и забудьте о той вражде, которая между вами существовала...

Яфе: Я, Яфе, вольнодумец, первый покажу пример! Вот моя рука! Все забыто.

Тайбеле: Поди сюда, сестра моя, расцелуемся!..

Этеле: Позволь мне просить прощение у твоих ног, папенька!

Хариф: Простите нас, тесть.

¹⁶ Достоевский Ф.М. Дневник писателя. С. 88.

¹⁷ Гордин Я. Еврейский король Лир. С. 13; ср. с. 23.

¹⁸ Там же; ср. с. 20–21.

Довидл: Я прощаю вас, дети. Живите счастливо, в единении и согласии! Скажите: аминь!

Все: Аминь.

ЗАНАВЕС¹⁹

«Еврейский король Лир» показывает русскому зрителю, что евреи – не о религиозном фанатизме и экономической эксплуатации, а об отношении друг к другу как к семье, где совершают ошибки, ведут себя дурно, но при этом помнят, что вокруг – дети Авраама, Исаака, Иакова. О значимости роли семьи в творчестве Якова Гордина²⁰.

Шекспировская трагедия составляет фабульный претекст и язык, на котором еврейский драматург говорит с современным ему еврейским и нееврейским зрителем про еврейский мир, жизнь в штетле, протекающих там процессах и событиях. Народ, который образованные европейцы XIX столетия полагали причудливой архаикой из допотопной истории, пришельцем и аутсайдером среди прогрессивных и просвещенных народов, оказывается схватываемым фабульным рядом эталонно европейского драматурга. Русский и европейский зритель пьесы видит, сколь окружающие его евреи принадлежат к общему культурному континууму. А потому нужно не принуждение к принятию плодов цивилизации, а диалог, ведущий к осознанию общности, поскольку европейский мир включает в себя и христиан, и евреев (притом что многие из них этого не видят и не признают). В то же время мы видим, сколь преломляется европейская фабула, чтобы стать сюжетом о жизни еврейской семьи и штетла. Так реализуется посредническая и транскультурная функция русского варианта пьесы Якова Гордина, связывающего еврейский и европейский горизонты.

Литература

Абилова 2014 – *Абилова Ф.А.* Викторианский роман и уэссекские романы Т. Гарди: Поэтика финала // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 1 (25). С. 72–80.

¹⁹ Там же. С. 29.

²⁰ Литературная энциклопедия: В 11 т. / Под ред. В.М. Фриче, А.В. Луначарского. Т. 2. М.: Коммунистическая академия: Сов. энцикл.: Худож. лит., 1929. 768 стб. URL: <https://rus-literature-enc.slovaronline.com/1622-Гордин> (дата обращения 28.01.2024).

- Аверинцев 1996 – *Аверинцев С.С.* Греческая «литература» и ближневосточная «словесность»: противостояние и встреча двух творческих принципов // Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русский культуры», 1996. С. 13–75.
- Войта 2014 – *Войта Л.С.* «История Короля Лира» Наума Тейта: актуализация шекспировской трагедии под влиянием классицизма // Текст. Контекст. Интертекст / Под ред. И.А. Бирич, М.Н. Николаева. Т. 3. Ч. 1. М.: МГПУ, 2014. С. 21–26.
- Кауфман 2015 – *Кауфман И.С.* Богословско-политический проект М. Мендельсона и социокультурная трансформация восточноевропейского еврейства // Academy. 2015. № 3. С. 41–47.
- Шодем 2004 – *Шодем Г.* Основные течения в еврейской мистике. М.; Иерусалим: Гешарим, 2004. 511 с.
- Gesundheit 2009 – *Gesundheit B.* Medicine and Judaism – a patient is forbidden to endanger his life in order to fast on Yom Kippur // Harefuah. 2009. No. 9 (148). P. 583–585.
- Jacobs – *Jacobs J.* The history of “Tikkun Olam”. URL: <http://www.zeek.net/706tohu/> (дата обращения 01.09.2023).
- Katz, Zangen, Leibowitz 2009 – *Katz Y., Zangen D., Leibowitz G., etc.* Diabetic patients in the Yom Kippur Fast – who can fast and how to treat the fasting patients // Harefuah. 2009. No. 9 (148). P. 586–591.
- Lopatin – *Lopatin A., rabbi.* Pikuach Nefeshю The Jewish value of saving a life // My Jewish learning. URL. <https://www.myjewishlearning.com/article/pikuach-nefesh-the-overriding-jewish-value-of-human-life/> (дата обращения 01.09.2023).
- Pape 1992 – *Pape W.* Happy endings in a world of misery. A literary convention between social constraints and utopia in children’s and adult literature // Poetics today. 1992. Vol. 13. No. 1. P. 179–196.

References

- Abilova, F.A. (2014), “The Victorian novel and Wessex novels by Th. Hardy. Poetics of finale”, *Vestnik Permского universiteta. Rossiiskaya i zarubezhnaya filologiya*, vol. 25, no. 1, pp. 72–80.
- Averintsev, S.S. (1996), “Greek ‘literature’ and the Near Eastern ‘lore’. Confrontation and overlap of the principles of writing”, in Averintsev, S.S. *Ritorika i istoki evropeiskoi literaturnoi traditsii* [The rhetoric and sources of the European literary tradition], Shkola “Yazyki russkoi kultury”, Moscow, Russia, pp. 13–75.
- Gesundheit, B. (2009), “Medicine and Judaism – a patient is forbidden to endanger his life in order to fast on Yom Kippur”, *Harefuah*, vol. 148, no. 9, pp. 583–585.
- Jacobs, J., *The history of “Tikkun Olam”*, available at: <http://www.zeek.net/706tohu/> (Accessed 1 Sept. 2023).

- Katz, Y., Zangen, D. and Leibowitz, G. (2009), "Diabetic patients in the Yom Kippur Fast – who can fast and how to treat the fasting patients", *Harefuah*, vol. 148, no. 9, pp. 586–591.
- Kaufman, I.S. (2015), "Moses Mendelsson's theological and political project and social and cultural transformation of East European Jewry", *Academy*, no. 3, pp. 41–47.
- Lopatin, A., rabbi, "Pikuach Nefesh. The Jewish value of saving a life", in *My Jewish learning*, available at: <https://www.myjewishlearning.com/article/pikuach-nefesh-the-overriding-jewish-value-of-human-life/> (Accessed 1 Sept. 2023).
- Pape, W. (1992), "Happy endings in a world of misery. A literary convention between social constraints and utopia in children's and adult literature", *Poetics today*, vol. 13, no. 1, pp. 179–196.
- Scholem, G. (2004), *Osnovnye techeniya v evreiskoi mistike* [Major trends in Jewish mysticism], Gesarim, Moscow, Russia, Jerusalem, Israel.
- Voita, L.S. (2014), " 'The History of King Lear' by Nahum Tate. Bringing Shakespeare's tragedy up to date under the influence of Classicism", in Birich, I.A. and Nikolaev, M.N., eds., *Tekst. Kontekst. Intertekst* [Text. Context. Intertext], MGPU, Moscow, Russia, vol. 3, part 1, pp. 21–26.

Информация об авторе

Георгий С. Прохоров, доктор филологических наук, профессор, Государственный социально-гуманитарный университет, Коломна, Россия; 140410, Россия, Коломна, ул. Зеленая, д. 30; kaf.rus.gsgu@yandex.ru

Information about the author

Georgii S. Prokhorov, Dr. of Sci. (Philology), professor, State University of the Social Studies and Humanities, Kolomna, Russia; 30, Zelyonaya St., Kolomna, Russia, 140410; kaf.rus.gsgu@yandex.ru